

...СВЕТ в концертном зале погас, луч прожектора косо упал на ступеньки, ведущие со сцены в зал, и высветил человека с гитарой. Голос с хрипотцой запел, запел с нетерпеливой искренностью, словно певец давно не мог и не хотел танть своих чувств и, наконец, нашел благодарного слушателя. То, что он пел, было настоящим песенным открытием. Он воспевал Тбилиси — счастливый город, единственный для него. И вечер сам, от начала до конца, был отдан этому городу с его жизнью, жизнью

красоте, а о пережитом, подлинном, вечном. То ли песня, то ли бушующий в груди огонь, извергшийся наружу....

«Давай говорить друг другу «ты». Когда я слышу «вы», мне кажется, что мы с этим человеком настолько разные, что друг друга не поймем. Да и на простом человеческом языке так легче разговаривать...».

Это он сказал почти сразу, как только я переступил порог и сел за стол напротив этого сердечного человека, обрадовавшего появлению журналиста — гостя, увы, редкого в этом доме.

венный мелодический эквивалент, который лишь сейчас и уместен. И еще раз возрадуется душа. Но это еще не песня. Соберет домочадцев, верных старых товарищей, споет им, по реакции сразу определит, что из этого получилось, споет еще раз, на ходу возьмет новый аккорд, придумает новое слово и... Умеющий слушать да услышит.

Отец — Михаил Афанасьевич Рамишвили, экономист, слыл признанным специалистом своего дела. Ревностно относился к поэзии, песне, мог непрестанно слушать народные на-

мексиканское трио «Лос-Панчос» — и вовсе лишился покоя. Играть, тем не менее, научился, и для начала неплохо.

— В 1960 году я хотел поступить в эстрадное училище, но мне сказали, что «с музыкальным слухом что-то не то». Я не сразу нашел на клавиатуре рояля звук, который взяла одна чопорная дама, и мне поставили «двойку». Я совершенно нормально и точно воспроизводил любую мелодию и потому негодовал от такой несправедливости. Отправился в 4-е музучилище, и там, прослушав меня, директор Ксения Джикия при-

торские стихи и им же исторгнутые в мир яркие мелодии доводились многим читателям. Потому ограничусь утверждением, что творчество Отара Рамишвили высоко ценил Георгий Гаврилович Цабадзе, быть может, самый душевный из наших композиторов и один из самых-самых всенародно любимых.

Так вот, в другом городе он жить не сможет.

— Без Соллоки и Вера, без Нахаловки и Окрос Убани (улица Гоголя и прилегающие к ней кварталы — Авт.)? Все, что угодно, только не это. Я написал в той песне, что «готово целовать тбилисские улицы», а ты такой вопрос задаешь.

В самом деле... «Здесь и зима на весну похожа» — это сказал Рамишвили. Нет, в переводе, тем более любительском, звучит не так, как в оригинале.

...Гульнази, жена Отара, принесла несколько тетрадей. Толстых, тонких, всяких. Если он пишет, задуравшись, на отдельном листке, она тотчас переписывает стихи в специально заведенную тетрадь. Очень много стихотворений, посвященных ей. Ей одной. Они все — о любви. О такой любви, на которую может быть способно очень щедрое, умное и талантливое сердце.

«Дефицит сердечности меня сегодня тревожит больше всего, и даже не меньше, чем потенциальная опасность войны. Потому что дефицит сердечности способен породить зло в самых разных проявлениях...».

«С песней мы побеждали в войнах, песня убивает печаль и делает человека счастливее, песня рождает надежду, когда ее нет...».

«Я мог бы на гитаре играть, возможно, еще лучше. Но она требует ежедневных занятий по 6—8 часов. Когда же радоваться детям и друзьям?».

Ты замечательно играешь на гитаре, Отар. Особенно, когда поешь себя. Это твой стиль, и это правда. Правду же ничем подменить нельзя...

А хорошую песню написать очень ведь не просто. Хорошая звучит все реже. Один пишет стихи, другой — музыку, третий — поет. И все равно чего-то этим общим усилиям не хватает. Глубины? Серьезного отношения? Позиции? Слова? Мелодии? Собственного голоса?

Читатель сам разберется в этом калейдоскопе вопросов. Мне же хочется, и не только ведь мне одному, чтобы человек по имени Отар Рамишвили почаще делал нам свои чудесные подарки. И почему бы не записать пластинку? Она бы в магазинах наверняка не залежалась.

...Осветители дали свет, когда был взят последний аккорд. Он поднял гитару с колен, очень смущенно поклонился, и под овацию обошел сцену, собирая букеты цветов. Потом последовал широкий взмах, и один огромный букет, разделившись, перелетел в зал. Прощальный жест рукой, и он покинул сцену. Покинул, чтобы вернуться.

Мы идем тебя, Отар!

Н. БРОЛАДЗЕ.

Душа и песня Отара Рамишвили

самобытной и очень тбилисской, какая только могла быть у этого пестрого, путаного и легкого города всегда, и без какой он обойтись не может, сколько бы ни прошло лет и как бы ни менялись эпохи. Потому, что есть особый, великий смысл в том, какую ценность представляет жизнь для тбилисца, не просто жизнь вообще, а именно в этом городе, где тихий шелест платанов над безмолвно несущей свои воды Курой и кривой верейский переулочек, ведущий к подножию Мтацминды, всегда могут поведать о чем-то сокровенном человеку, но более всего — тбилисцу, истому горожанину...

Тот вечер показал Отара Рамишвили фрагментарно, но и выпукло. Стало ясно, что у этого, незаурядно талантливого человека, наверняка есть что-то еще, но что именно... мне было неизвестно. Зато, как оказалось, людям, знавшим его не один год, родным и близким, соседям, друзьям — лучше посвященным, известно было многое. Но прошли дни, месяцы, мельком увиденный образ стал забываться, не то чтобы совсем, но все-таки. И вдруг! Спасибо телевидению: вечер авторской песни во Дворце шахмат, дважды или трижды затем повторенный в записи, подарил благословенные минуты встречи с большим дарованием. Тогда он спел уже песен шесть. И всякий раз, когда он завершал песню, возникало острое чувство сожаления, тут же однако уступавшее место радостному состоянию взволнованного ожидания: «...сейчас споет еще».

Люди звонили друг другу и сообщали: не пропусти-те, Рамишвили поет. Перед вторым повтором многие изготовили к пуску магнитофоны. Кокетливому при творству, столь часто высказывающему на ружу при оценке песен и правомерности исполнительских притязаний, не было на этот раз места, уверен, ни в одном из тбилисских домов. Двух мнений также не было: добрый и красивый человек поет песни о доброте и красоте, и поет не об абстрактной доброте, и уж вовсе не о занскивающей

меня же все время беспокоила мысль — а почему, собственно говоря, Отар Рамишвили стал известен у нас только недавно, где он был столько лет?! Сказав ему об этом, я услышал:

— Когда-то, много лет назад, я имел неосторожность сочинить песню об автоинспекторах, железнодорожных дрязгах и, что имело не менее серьезные последствия, о теще. Мне перестали доверять, а что я, в сущности, такого сделал? Говорил правду.

На тот концерт, который состоялся в мае этого года в Большом концертном зале, слушатели могли прийти еще в апреле 85-го. Дирекции Грузгосфилармонии не удалось осуществить замысел. Один из работников Министерства культуры республики, увидев на стене кабинета директора афишу с фамилией «нежелательного» автора и исполнителя, собственно ручнo сорвал ее, скомкал и высказал свою «точку зрения». Не знаю, известно ли об этом Отару Рамишвили, но, услышав о столь непривлекательном эпизоде от очевидцев, я понял, что ему пришлось бы пребывать в относительной безвестности еще не один год, если бы не неумолимый бег времени (на который в этом случае нет никаких оснований досадовать) и не иные обстоятельства.

...Отар Рамишвили пишет прекрасные стихи. Некоторые из них становятся прекрасными песнями. Это зависит от него самого. Стихи, однако, такие, что сами похожи на мелодию, и поэтому вождельно тянутся к музыке: кажется, что, сойдя на белый лист, они тотчас стремятся вскарабкаться на нотный стан. Рамишвили создает небольшой философско-лирический образ, воплощенный в нескольких строфах, а потом, ощутив легкую душевную радость от соответствия написанного прочувствованному, подумает, поразмыслит, порыбачит, вернется домой со всеми своими рыболовными снастями, возьмет в руки гитару, «способную заставить одуматься злодея и зажечь у него в сердце свистильник нежности и отзвучивости», пройдет по струнам своей, рамишвилевской, гармонии, и рано или поздно отыщет тот единст-

венный мелодический эквивалент, который лишь сейчас и уместен. И еще раз возрадуется душа. Но это еще не песня. Соберет домочадцев, верных старых товарищей, споет им, по реакции сразу определит, что из этого получилось, споет еще раз, на ходу возьмет новый аккорд, придумает новое слово и... Умеющий слушать да услышит.

Подростком был Отар и юношей был, когда жизнью свела его с Галактионом Табидзе.

— Если кому-то в жизни повезло, то мне в первую очередь, — прикурив, подумав и вспомнив, он привстал и медленно произнес:

— В душе этого человека, величайшего из поэтов, жил вулкан, который то потухал, то вспыхивал снова. Мы, помнится, часто прогуливались вместе, разговаривали: то о смысле жизни, то о поэзии. То есть говорил больше Галактион, а я слушал и, восхищенно внимая, спрашивал о том, как он работает, что любит, и так далее. Меня интересовало также, что он думает о людях, и о том, как они воспринимают его поэзию. Помнится, однажды он ответил так: «Каждый понимает поэтическое слово по-своему, а это зависит от того, какую он жизнь прожил». И тут же, на улице, подходил к тому или иному прохожему и, извинившись и представившись, читал какое-либо из своих стихотворений. И мы определяли по реакции, по улыбке, по первым словам, сказанным прохожим, насколько они поняли поэтическое обращение к себе. При этом то огорчались, то смеялись, но больше смеялись от сознания, что стихи были услышаны и поняты. Галактион любил общение: экспромтом, был легко узнаваем...

Юношей был Отар Рамишвили, когда впервые увидел на сцене филармонический дуэт гитаристов — Дзагидзе и Чхиквадзе. Потянуло к гитаре, начал учиться — сам, самостоятельно, а когда в 50-е годы в Тбилиси прилетела из-за рубежа одна из первых концертных «ласточек» —

пела в класс контрабаса. Училище окончил, потом и на гитаре лучше стал играть...

Я попросил его сыграть что-либо из классического репертуара: мелодично, плавно, выразительно привлекает он звуки певучих сочинений испанских композиторов и гитаристов — вот Таррега, чудесная вещь «Воспоминания об Альгамбре», а вот Альбенис, Сор... Дивный мир гитары.

Нет, нельзя без музыки. Без музыки и поэзии. Нельзя. Назовите это девизом, правилом — как угодно. Нельзя без них. И поэтому все его сыновья — и скрипач Мишико, которого дома не было, и младший Леван, часами просиживающий у рояля, следуя отцовским взглядам на огромную пользу музыкальной эстетики, радуют его каждый по-своему. Ну, а самый старший, Зураб, тот и вовсе признанный джазмен, пианист довольно зрелый, отличный импровизатор, которого пригласил в свой ансамбль Тамаз Курашвили. А он играть рядом с малоценным музыкантом не будет...

— Отар, ты смог бы жить в другом городе?

— Ты что, с ума сошел?

Если кто-либо скажет, что песни «Народ мой и край мой», «Тбилиси», «Март — твой месяц», и не только они — нельзя причислить к шедеврам городской музыкально-песенной культуры, то возьмет на себя слишком большую ответственность. Боюсь, непосильную. Публикация в газете, издающейся на грузинском языке, позволила бы цитировать строки из этих и многих других стихотворений, вошедших или не вошедших в небольшой сборник Отара Рамишвили «Песни», изданный в «Мерани» два года назад, а у меня такой возможности, к сожалению, нет, и потому передать аромат поэзии «непрофессионального» автора здесь не удастся. Однако уповаю на надежду, что слышать его замечательные, искусные, сугубо ав-